

АКАДЕМИЯ НАУК КИРГИЗСКОЙ ССР

Отделение общественных наук

Ж. СААДАНБЕКОВ

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ ДУХОВНОГО МИРА
СЕЛЬСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

(на материалах Киргизии)

Специальность 620 — Диалектический и исторический
материализм

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Фрунзе — 1970

Контрольный 887/70

1 А
Государствен.
библиотека СССР
им. В. И. Ленина
1970 г. — 20424

Работа выполнена в Институте философии и права Академии наук Киргизской ССР.

Научный руководитель — доктор философских наук А. И. НАРЫНБАЕВ.

Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор Б. А. АМАНАЛИЕВ; кандидат философских наук А. А. БРУДНЫЙ.

Ведущее научное учреждение — кафедра исторического материализма Киргизского государственного университета.

Автореферат разослан « » 1970 г.

Защита состоится « » 1970 г.
на заседании Объединенного Ученого Совета Отделения общественных наук АН Киргизской ССР: гор. Фрунзе, ул. XXII партсъезда, 265а.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке АН Киргизской ССР.

Ученый секретарь Совета,
кандидат экономических наук

А. М. МОЛДОКУЛОВ

1500011699

Сдано в набор 26/VIII-1970 г. Подписано к печати 26/VIII-1970 г.
Формат 60×84 1/15 д. л. Д — 00324. Заказ № 2714. Тираж 200.

Фрунзенская городская типография № 3 Главполиграфиздата
Министерства культуры Кирг. ССР, Карагандинская, 72.

Социалистическая интеллигенция становится самой динамичной прослойкой, как по количественному росту, так и по характеру профессионально-функциональной дифференциации, что обусловлено бурными темпами научно-технического прогресса и процесса культурной интеграции советского общества. Ее органическая часть — сельская интеллигенция, социальная роль и общественные функции, которой все более возрастают в процессе социально-экономического и культурного преобразования деревни и развитии коммунистических общественных отношений. Одновременно с возрастанием роли сельской интеллигенции происходит коренное обновление ее духовного мира, что, в свою очередь, оказывает мощное обратное воздействие на экономический и социальный прогресс. Иначе говоря, воплощается в жизнь теоретическое положение К. Маркса, который писал: «Люди обновляют самих себя в такой же мере, в какой они обновляют тот мир богатства, который они создают»¹.

Уже этим определяется чрезвычайная актуальность изучения глубоких преобразований, происходящих в духовном мире сельской интеллигенции. Актуальность указанной проблемы продиктована еще и фундаментальными теоретическими потребностями, а равным образом неотложными практическими задачами партии по коммунистическому воспитанию самой же сельской интеллигенции, которая, будучи одной из главных движущих сил деревни, становится все более активным ее компонентом.

В связи с этим в философско-социологической, социально-экономической и исторической литературе проблема сельской интеллигенции до последнего времени освещена слабо, не говоря уже о ее роли в духовном мире. Из специальных исследований, посвященных наиболее общим проблемам сельской интеллигенции, следует указать на работы А. И. Сухарева и К. И. Мамаевой. Правда, проблеме социалистической интеллигенции в целом по-

¹ Из неопубликованных рукописей К. Маркса. «Большевик», 1939, № 12, стр. 65.

священы работы Ф. Заузолкова, А. И. Голоты и Б. И. Королева, М. И. Процько, Е. А. Ходжаева, А. К. Валиева, М. Гулямовой, Х. З. Акназарова, Ф. В. Константинова, А. И. Лутченко и других советских ученых¹, где освещаются ее роль в создании материальных и духовных предпосылок коммунизма, в стирании социально-экономических и культурно-бытовых различий между городом и деревней, основные тенденции структурных и качественных изменений ее состава с соответствующей периодизацией.

По материалам же Киргизской ССР до сих пор специальных философско-социологических исследований, посвященных этой проблеме, не было. Но весьма ценны работы историков С. Табышалиева, А. Сраждинова, И. Соктоева и других, в которых обобщены основные этапы и пути развития киргизской интеллигенции.

Проблема изучения духовного мира интеллигенции, если и затрагивается в отдельных работах, то ставится лишь в плане характеристики теоретически-систематизированных видов общественного сознания, идеологии в частности. При этом, чувственно-эмоциональная сфера психологии почти остается в тени.

В диссертации сделана попытка рассмотреть социально-психологические аспекты духовного мира сельской интеллигенции. Такое рассмотрение имеет целью раскрыть некоторые закономерности формирования и развития ее социалистической общественной психологии во взаимосвязи с другими структурными элементами общественного сознания.

Методологической основой данной работы являются труды классиков марксизма-ленинизма, материалы и решения съездов и пленумов ЦК КПСС и ЦК КП Киргизии. Фактической базой диссертации явились материалы конкретно-социологических исследований, проведенных в различных сельских районах Киргизии, которые сопоставляются с публикациями периодической печати, а также материалы художественной литературы.

Диссертация состоит из введения, двух глав и заключения.

Во «Введении» изложены цель и задачи настоящего исследования, обосновывается его актуальность, дается критический анализ литературы.

Первая глава «Закономерности формирования психологии сельской интеллигенции» — состоит из двух разделов. В первом разделе «Социальная природа психологии сельской интеллиген-

¹ Полный перечень работ вышеуказанных авторов и их характеристика даны в диссертации.

ции и особенности ее формирования» делается попытка определить понятие «социальная психология сельской интеллигенции» и раскрываются основные социальные факторы и вытекающие отсюда закономерности формирования ее социалистической общественной психологии.

Социальная психология сельской интеллигенции понимается, прежде всего, как диалектическое единство сущности и явления. Дело в том, что сельскую интеллигенцию со всей социалистической интеллигенцией объединяет одна социальная сущность — умственный характер труда. Если социальная сущность рабочего класса и колхозного крестьянства определяется двумя различными формами социалистической собственности, то умственный характер труда, как раз такой признак, который в состоянии определить именно специфику интеллигенции как особой социальной прослойки. Известно, что всякая сущность так или иначе проявляется, то есть без явлений не может быть никакой сущности, как и без сущности не может быть никаких явлений. Это значит, что социальная сущность интеллигенции проявляется в ее же психологии, но она не может быть единственно исчерпывающим проявлением этой сущности. Наоборот, сущность охватывает всю совокупность разнообразных явлений и в этой связи можно констатировать, что социальная сущность интеллигенции равным образом выражается и мировоззрением, и моралью, и политически-ми, правовыми, эстетическими взглядами.

Таким образом, психология интеллигенции рассматривается как одно из проявлений ее социальной сущности. Но это есть как раз тот общий признак для всей интеллигенции, который никак не может отражать специфические особенности психологии различных ее прослоек в отдельности. В самом деле, если сущность проявляется в массе самых разнообразных явлений, то явление также отражает собой не только сущность, основу, но и ряд других признаков, зависящих от ряда обстоятельств. Этими обстоятельствами в данном случае являются социально-экономические, культурно-бытовые и национальные особенности сельской интеллигенции и, бесспорно, именно эти факторы в совокупности существенно отличают ее от интеллигенции города.

Итак, психология сельской интеллигенции понятие весьма многозначное. С одной стороны, она рассматривается как социальное явление в диалектическом единстве с ее социальной сущностью (умственным характером труда). С дру-

гой — она понимается как социально-психологическое свойство конкретной социальной прослойки, а именно, как совокупность интегрированных в ней психологических черт характера, а также настроений, переживаний, стремлений и т. д.

Исходя из соответствующей интерпретации этого понятия в диссертации сделана попытка социальной дифференцировки сельской интеллигенции по профессиональным признакам, с учетом особенностей специализации, а так же социально-психологических механизмов ролевой интернализации¹. Диссертант подчеркивает, что важным фактором формирования психологии не только сельской, но и всей интеллигенции, является специфика ее профессиональной роли. И в этой связи профессиональные роли каждой подгруппы сельской интеллигенции анализируются по отдельности на базе теории социальных ролей.

Профессиональные роли сельской интеллигенции реализуются в пределах существующего статуса. И тем не менее роль и статус между собой неразрывно взаимосвязаны и взаимообусловлены. Суть одной из связей социального статуса и профессиональной роли раскрывается престижем данной профессии. Иначе говоря, престиж профессии в какой то мере зависит и от статуса.

Но престиж, как социально-психологическое явление, имеет субъективную природу и включен в контекст статуса через общественное признание данной социальной среды, которое в свою очередь, тоже явление субъективное.

Высокое общественное признание со стороны колхозного крестьянства престижа любой категории сельской интеллигенции — есть существенная закономерность, ибо интеллигенция своей деятельностью выражает общественные, объективно правильные интересы колхозников. Однако это не значит, что между общественным признанием и престижем той или иной профессии имеется жесткая однозначная связь. В самом деле, между ними существуют значительные вариации, которые зависят от особенностей выполняемой роли, локальной обстановки, времени, системы самооценок и т. д. В работе это рассматривается на примерах производственной интеллигенции, сельского учительства и медицинских работников. В частности, общественная оценка престижа сельской производственной интеллигенции достаточно высока. Однако, оценка собственного

¹ См. И. С. Кон. Социология личности. М., 1967, стр. 25.

престижа самой производственной интеллигенцией оказалось намного ниже, чем в общественной оценке. В диссертации раскрываются некоторые конкретные факторы способствующие в дальнейшем улучшению условий фактической ролевой деятельности производственной интеллигенции и доказывается, что постепенное уменьшение степени несоответствия фактической и ожидаемой ролей является важной закономерностью формирования психологии сельской интеллигенции и существенным психосоциальным фактором повышения престижа ее профессии.

Указанное несоответствие многообразно отражается и в социальных притязаниях сельской производственной интеллигенции. При исследовании выяснилось, что на более высокой степени ее социальных притязаний находятся творческий труд и стремление к общественному признанию, которые во многом локализованы в сфере ожидаемой роли. Однако она имеет определенные и достаточно устойчивые притязания и к более высоким ступеням линии вертикальной мобильности. Это объясняется тем, что производственная интеллигенция в отличие от непроизводственной более подвижна по этой линии и является источником пополнения более высоких сфер управления сельскохозяйственным производством. Диссертант отмечает, что объективная возможность превращения притязаний на более высокие ступени вертикальной мобильности в самоцель не исключена и в этой связи указывает на исключительную важность усовершенствования практической деятельности партийных, советских и общественных организаций по подбору, подготовке и воспитанию этой категории сельской интеллигенции.

Значительное внимание в работе уделено особенностям профессиональной роли сельского учительства. В диссертации ролевая деятельность учительства рассматривается применительно лишь к некоторым ее социальным отношениям, а именно, анализируется тот же традиционный престиж его профессии во взаимосвязи с общественным признанием окружающей социальной среды. В частности, анализируются имеющегося место в общественном мнении суждения о том, что якобы «престиж профессии сельского учителя ниже, чем раньше». Исследуя природу и механизмы подобных высказываний диссертант утверждает, что общественное признание престижа той или иной профессии всегда связано со сдвигами во времени при оценке прошлого и настоящего. Иначе говоря, между общественным признанием и престижем профессии существует многозначная связь,

объективированная фактором времени, как синхронная (одновременная), так и асинхронная.

Значительное внимание также уделено особенностям проявления профессиональной роли сельских учителей, где соотношение роли и ее эмоционально-мотивационной сферы рассматривается как диалектическое единство свободы и необходимости.

В этом разделе раскрываются также некоторые закономерности формирования психологии сельской интеллигенции в связи с ее социально-экономическими, культурно-бытовыми особенностями. Меры принятые в последние годы партией и правительством по повышению заработной платы отдельных категорий сельской интеллигенции и коренные улучшения общего благосостояния сельских жителей, дают полное основание считать, что преимущество городской интеллигенции по этим показателям незначительное.

В диссертации раскрываются социальные настроения сельской интеллигенции, обусловленные с культурно-бытовыми условиями села в плане характеристики противоречий общей и локальной среды, возможностей культурных сил и средств.

Тенденции нынешнего времени таковы, что реальные духовные потребности и возможности сельских интеллигентов заметно опережают культурные условия сельской локальной среды. Несмотря на бурные темпы культурного строительства и интенсивное проникновение в сельский быт массовых средств культуры, возросшие духовные возможности сельской интеллигенции частично остаются нереализованными. Процесс приближения культурных возможностей сельской интеллигенции к максимуму реализации будет протекать в основном через повышение творческих потенций системы ее ролевой деятельности.

Значительное внимание в работе уделяется национальным особенностям психологии сельской интеллигенции. В частности, рассматриваются некоторые тенденции развития национального самосознания на уровнях теоретического и обыденного сознания, а также на основе анализа данных конкретно — социологических исследований прослеживаются градации прогрессивных национальных традиций. Диссертант доказывает, что важнейшей закономерностью формирования национальной психологии сельской интеллигенции является преемственность, которая осуществляется через прогрессивные традиции и обычаи.

Особое внимание уделяется в диссертации религиозным традициям и обрядам, которые до сего времени существуют под эгидой национального и выступают как инертная сила не только в формировании социалистической общественной психологии сельской интеллигенции, но всей социальной жизни села. Как известно определенная часть сельских интеллигентов до сих пор отправляют еще некоторые религиозные праздники и обряды и это отнюдь не означает, что они обладают ощутимым потенциалом собственно религиозного сознания. Правда, некоторые интеллигенты грубо отождествляют национальные традиции с религиозными, но социально-психологические механизмы отправления религиозных праздников и обрядов несколько иные.

В диссертации на основе анализа фактических материалов прослеживаются соотношение различных уровней конформизма (внешнего и внутреннего). Анализ степени конформизма поступков сельских интеллигентов по отношению к религиозным праздникам и обрядам, а также отжившим локальным нормам быта свидетельствуют о том, что закономерностью формирования национальной психологии является борьба прогрессивных национальных традиций с реакционными.

Во-втором разделе первой главы «Соотношение эмоционального и рационального в духовном мире сельской интеллигенции» делается попытка раскрыть природу чувственно-эмоционального мира сельской интеллигенции и в связи с этим рассматривается ряд вопросов дискуссионного характера, касающихся дефиниции понятия «духовная жизнь общества» и диалектики эмоционального и рационального.

Диалектическое соотношение эмоционального и рационального в духовном мире той или иной социальной группы неразрешимо без достаточно четкого выяснения понятия «духовная жизнь общества». Такая попытка была сделана в коллективном труде ученых¹. Достоинство данной дефиниции заключается в том, что она так или иначе охватывает почти все многообразные стороны духовной жизни общества.

Однако работа не лишена и ряда неточностей. Во-первых, в первой части определения духовная жизнь общества рассматривается лишь как совокупность накопленных обществом культурных ценностей. На это указать, конечно необходимо, но недостаточно. Нам думается, что уровень духовной жизни общества

¹ См. Строительство коммунизма и духовный мир человека. М., 1966, стр. 15—16.

определяется не только совокупностью культурных ценностей, но и уровнем развития духовных потребностей и возможностей их удовлетворения, системой распределения культурных ценностей и, наконец, уровнем организации процессов общения людей. Эта часть определения на наш взгляд, удачно дана Л. И. Коганом¹.

Во-вторых, в этом определении не выделены как теоретико-познавательные тенденции общественного сознания, так и ее нетеоретические аспекты. В этой связи диссертант пытается очертить грани теоретико-познавательных тенденций общественного сознания, раскрывая при этом различные взаимосвязи структурных элементов данной идеологической системы и естествознания с научным мировоззрением. Диссертант разделяет мнение тех авторов, которые утверждают, что идеология — понятие более широкое, чем мировоззрение, но как теоретически разработанная система взглядов, последнее относится к идеологии того или иного класса и служит как бы основным идейным стержнем идеологии. Не во всех формах общественного сознания непосредственно выражено мировоззрение, но во всех имеется мировоззренческая сторона².

Теоретическое же сознание выражается через общественные идеи, которые дифференцированы на идеологию и естествознание.

В диссертации также анализируются структурные элементы нетеоретического сознания: бытовое сознание и общественная психология. На этой основе в диссертации предложена следующая схема (см. № 1 схему).

Рассмотрение сложной структуры общественного сознания в плане указанной абстрактно-логической схемы имела лишь такую цель, что бы более или менее определенно очертить грани между ее отдельными элементами и определить понятие «духовная жизнь общества».

Духовная жизнь общества — это процесс производства, распределения и потребления имеющихся в распоряжении общества духовных ценностей, процесс духовного общения людей.

¹ Л. И. Коган «Духовная жизнь общества и ее структура». См. Сб. «Духовное развитие личности». Свердловск, 1967, стр. 5.

² См. «Строительство коммунизма и духовный мир человека», М., 1966, тр. 187.

Общественное бытие		Общественные идеи		
		Идеология		Естествознание
		1. Политическое сознание 2. Правовое сознание 3. Нравственное созн. 4. Религиозное созн. 5. Философия 6. Искусство 7. Наука ¹	Мировоззрение	1. Математика 2. Физика 3. Химия 4. Биология и т. д.
Общественное сознание		Общественная психология		
Нетеоретическое сознание		Бытовое сознание	1. Социально-психологические свойства (потребности, интересы, цели и т. д.). 2. Социально-психологические состояния (чувства, эмоции, страсти и т. д.). 3. Социально-психологические отношения (привычки, навыки, обычаи, традиции и т. д.). 4. Социально-психологические процессы (внушение, убеждение, подражание и т. д.).	

Духовная жизнь общества включает в себя теоретические, познавательные аспекты общественного сознания, которые выражаются через общественные идеи, где мировоззрение выступает как существенная детерминанта в системе всех форм общественной идеологии и естествознания. Она также включает нетеоретическое сознание, компонентами которого являются бытовое сознание и психология общества со всеми своими свойствами, процессами, состояниями и отношениями.

Охватывая в самом общем виде многообразные стороны духовной жизни общества, данное определение не может универсально объяснить духовный мир какого-либо конкретного класса или социальной прослойки. Применительно к духовной жизни

¹ В схему включены лишь те аспекты науки, которые содержат идеологические, надстроены элементы.

сельской интеллигенции эта дефиниция приобретает весьма своеобразные оттенки. В частности, ролевая деятельность сельской интеллигенции по обслуживанию села определенными видами познания и развитие ее теоретического сознания (интеллектуальное развитие) является по существу одним и тем же процессом. Поэтому интеллектуальное самосовершенствование находится в центре ее профессионально-производственных интересов и составляет главное содержание ее практической (целеполагающей), целесообразной¹ деятельности.

Диссертант считает, что в данном случае ее интеллектуальное развитие (рациональное) выступает как содержание, а связанные с этим процессом чувственные переживания (эмоциональное) как форма.

На основе анализа конкретно-социологических материалов, свидетельствующих об уровне некоторых эмоционально-эстетических и гуманитарных интересов сельской интеллигенции, в диссертации выявляются существенные отставания эмоционального от рационального, что объясняется диалектическим соотношением содержания и формы.

Соотношение эмоционального и рационального в духовном мире сельской интеллигенции таково что ее все возрастающие интеллектуальные возможности постепенно уменьшают неравномерности в развитии эмоционального. Это является важной закономерностью формирования и развития психологии сельской интеллигенции. Отставание эмоционального от рационального объяснить лишь относительной самостоятельностью формы по отношению к содержанию недостаточно. Это объясняется также диалектико-материалистическим принципом детерминизма, то есть и некоторыми сторонами социальной детерминации.

Как и другие психические явления эмоциональное испытывает внешние воздействия, которые «преломляясь» через внутреннее, в то же время сами переходят во внутреннюю форму существования, а внутреннее выносится во вне, опредмечивается, объективируется¹. К этим условиям внешней социальной детерминации относится в частности специализация, профессионально-производственная направленность деятельности сельской интеллигенции. Профессиональные нужды нередко

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 169—170.

¹ Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1969, стр. 80—81.

заставляют человека отбрасывать эмоционально-эстетические интересы, как несущественные.

Помимо правильного определения профессиональных способностей необходимы и специальные воздействия по выявлению и реализации того главного, что заложено в каждом человеке. Для этого необходимо всемерно усовершенствовать и расширять сферы межличностного и межгруппового общения, что будет осуществляться главным образом через общественную деятельность.

В работе делается попытка доказать, что эмоциональное не только форма рационального, но обладает и собственным содержанием. Некоторые авторы, в частности О. Г. Дробиницкий, считает что, «настроения, эмоции, переживания, склонности не несут в себе никакого особого духовного содержания по сравнению с мыслью»¹. Вряд ли можно согласиться с таким мнением, ибо понимание отнюдь не убеждение, а лишь ступень к убежденности. Если понимание не перешло в сферу чувств, то убеждения не может быть. Следовательно, выработка убежденности двуединый рационально-эмоциональный процесс, где эмоциональное играет исключительно важное значение. Эмоциональное обладая собственным содержанием проявляется весьма многообразно в массовидных сторонах поведения сельской интеллигенции. В этой связи диссертант подвергает подробному анализу малоизученные системы общения в киргизском селе: «алыш-бериш» и «Турганчылык» (родство), на которых раскрывается своеобразные соотношения эмоционального и рационального.

Значительное внимание в этом разделе уделено вопросам воспитания эмоциональной культуры сельской интеллигенции и выявлению конкретных возможностей традиционных средств идеологического воздействия в этом процессе.

Вторая глава «Диалектика перерастания социалистической психологии сельской интеллигенции в коммунистическую» состоит из двух разделов.

Первый раздел этой главы «Эволюция психологии сельской интеллигенции в период строительства коммунизма» посвящена раскрытию закономерностей перерастания ее социалистической общественной психологии в коммунистическую, а именно выявлению градации качественных признаков эмоционально-мотивационной системы психологии сельской интеллигенции в сфере

¹ О. Г. Дробиницкий. Мир оживших предметов. М., 1967, стр. 262.

трудовой и общественной деятельности и некоторые вопросы развития ее национальной психологии.

На основе анализа структурных изменений состава сельской интеллигенции и колхозного крестьянства диссертант доказывает, что сельская интеллигенция постепенно утрачивает свою «особость», но специализация ее труда практически неустраивается в рамках ее профессиональной деятельности. И в этой связи этот процесс прослеживается через соотношение эмоционально-мотивационной сферы и содержания ее деятельности. Анализ конкретно-социологических материалов и данных периодической печати позволяет выявить некоторые закономерности развития эмоционально-мотивационной системы психологии сельской интеллигенции в сфере труда, суть которых заключается в следующем:

Во-первых, на современном этапе строительства коммунизма степень удовлетворенности сельской интеллигенции своей работой отстает от степени понимания ею общественной значимости своего труда, что является закономерным процессом в развитии ее общественной психологии.

Во-вторых, по мере создания материально-технической базы коммунизма и удовлетворения насущных материальных потребностей, на первый план выдвигаются более творческие, общественно значимые мотивы труда, которые, в конечном счете, станут господствующими.

Однако, субъективное осознание значимости своего труда еще не означает о полном обеспечении творческого отношения к труду. Между субъективной стороной отношения к труду и объективным характером самого труда существует некоторое противоречие. В этой связи диссертант рассматривает отдельные характерные черты и тенденции изменения труда сельских производственных интеллигентов, учителей, медицинских работников и т. д.

Значительное внимание в этом разделе уделено качественным изменениям мотивов социального продвижения. Они находятся в сложной зависимости от ряда демографических факторов и не могут располагаться в одномерной шкале, ибо по содержанию и направленности они весьма различны. Например, как показали исследования, важнейшим мотивом социального продвижения сельской интеллигенции, особенно молодых, все чаще становится повышение профессиональной квалификации, а затем достижение возможности использования личных спо-

собностей (самореализация). Однако, имеются и такие факты, когда отдельные сельские интеллигенты в целях социального продвижения руководствуются совершенно иными мотивами. Они связаны, в основном, с личным статусом и карьерой (высокая должность, связанная с более высоким престижем, с большей возможностью влиять на ситуацию и т. д.).

Диссертант утверждает, что дальнейшая демократизация социалистического общества внесет существенные изменения в мотивы социального продвижения.

В этом разделе значительное внимание уделено социально-психологическому анализу общественной деятельности сельской интеллигенции. В частности, рассматриваются существующие еще неравномерности в распределении общественных поручений между сельскими интеллигентами.

В. И. Ленин требовал: нужно людей «воспитывать так, чтобы поголовно управлять умели все и знали как это делать»¹. Указанная неравномерность распределения общественных поручений с точки зрения социальной психологии объясняется тем, что сельская локальная среда к различным категориям сельской интеллигенции предъявляет неравномерные ожидания и требования. Положение в этом отношении традиционно сложилось так, что почему-то сельскому учителю приписываются большие требования, нежели остальным категориям интеллигенции. В этой связи диссертант указывает на необходимость решительных мер со стороны партийных, советских и общественных организаций по воспитанию сельских интеллигентов через общественную деятельность.

Диссертант считает, что поголовное участие сельской интеллигенции и трудящихся села вообще в общественной деятельности, будет осуществляться скорее опосредственно, чем непосредственно. Здесь действует диалектика единичного (индивид), особенного (производственная группа) и общего (общество), где особенное (малая группа) выступает как связующее звено между единичным и общим. Это станет возможным благодаря огромному росту самостоятельности и престижа этих групп, производственных коллективов и учреждений, где структура социальных ролей полностью унифицирована.

Участие сельских интеллигентов в общественной деятельности является также мерилем роста их сознательности. И в этой связи в диссертации приводятся разнообразные фактические

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 257.

материалы, свидетельствующие о росте сознательности сельской интеллигенции. В данном разделе рассматриваются также вопросы связанные с культурой свободного времени. В частности, анализируются формы досуга с соответствующей демографической дифференциацией состава сельских интеллигентов, а также вопросы, связанные с распределением культурно-бытовых возможностей села.

Развитие национальной психологии сельской интеллигенции рассматривается, как единство национального и интернационального, с учетом многонационального состава населения республики. Правда, процесс сближения и развития советских наций в период строительства коммунизма, имеет объективные закономерности, но не меньшее значение имеет и социально-психологическая сторона вопроса. В многонациональной республике представители различных наций в составе сельской интеллигенции находятся как в пространственном, так и в социально-психологическом контакте. А главным элементом этого контакта является взаимная заинтересованность, рожденная на основе потребностей, интересующих обе стороны.

Во втором разделе второй главы **«Роль сельской интеллигенции в процессе унификации социально-психологического облика деревни»** — за основу анализа данного процесса берется одна из наиболее общих закономерностей перехода к коммунизму, которая выражается движением советского общества к полной социальной однородности. Процесс унификации социально-психологического облика деревни органически связан с общением и в этой связи подробно рассматривается коммуникативное взаимодействие сельской интеллигенции с колхозным крестьянством в производственных, семейно-соседских и родственных группах, в кругу друзей и знакомых, что позволяет раскрыть некоторые специфические закономерности развития ее социальной психологии. В диссертации показывается, что характер деятельности общения как со стороны сельских интеллигентов, так и колхозного крестьянства приобретает весьма различные формы в зависимости от особенностей связующего звена (производство, школа, семья, улица, общественная работа и т. д.). В частности, производственная интеллигенция и колхозники взаимодействуют друг с другом через посредство общественного сельскохозяйственного производства и между ними существует прямая служебная зависимость. Их общие производственные интересы унифицируются, главным образом, в коллективных решениях членов того или иного колхоза.

Деятельность общения со стороны производственной интеллигенции и руководителей хозяйств в большей степени выступает как предъявление колхозникам системы определенных распоряжений и требований, а также как организация действий колхозников на производстве. Однако, колхозники ожидают от специалистов не только указаний и требований, но и выполнения известных им коллективных решений и требуют, чтобы ими руководствовались и специалисты. Это значит, что ожидания и требования обеих сторон взаимодополнительны, то есть удовлетворение прав одних, скажем колхозников, является обязанностью для специалистов сельского хозяйства или наоборот. Взаимодополнительность системы ожиданий и требований является важным фактором дальнейшей демократизации и оперативности коллективных решений, которые выражают общность насущных интересов, а это играет исключительно важную роль в формировании у труженников села однородных установок, трудовых мотиваций, вкусов и т. д.

В отличие от производственной интеллигенции сельские учителя различаются от колхозников по центральной задаче и по методам, и способам, которыми она решается. Поэтому их связывает несколько иная зависимость. Здесь главное связующее звено — школа, подрастающее поколение, которое в подавляющем большинстве своем дети колхозников. Соответственно своеобразны и коммуникативные взаимодействия между ними, то есть они осуществляются больше опосредованно, нежели непосредственно. Это в определенной мере снижает эффективность коммуникаций, что несомненно отражается и на процессе унификации их социально-психологического облика, который, в данном случае, принимает несколько затяжной характер.

В диссертации анализируется агитационно-пропагандистская работа сельских интеллигентов, как важное связующее звено с колхозниками. Диссертант отмечает, что в силу ряда существенных причин теоретические концепции марксизма-ленинизма все еще не в полном объеме стали достоянием широких слоев колхозного крестьянства. Однако в процессе непосредственной коммуникации с пропагандистом колхозное крестьянство обогащается идеями марксизма-ленинизма, которые будучи раз перенесены в его сознание, вызывают интенсивный процесс унификации только высшего уровня. Заслуга сельской интеллигенции заключается в том, что она своей пропагандистской деятельностью в известной мере сокращает естественный

путь развития социалистического сознания колхозного крестьянства.

Значительное внимание в этом разделе уделяется изучению этого процесса в семейно-соседских и родственных комплексах. В этих комплексах сельские интеллигенты и колхозники легче всего вступают в коммуникацию, ибо здесь функционируют непосредственные каналы знакомства. Благодаря этому между различными категориями сельских жителей установились стабильные межличностные отношения. Как показывает жизнь, влияние и престиж сельской интеллигенции в этих группах весьма значительны. И этому есть свои причины.

Во-первых, в киргизских селах в некоторой степени сохраняется традиционная территориальная локализация семейно-родственных групп, которая повелась еще со времен коллективизации, что намного облегчает межгрупповое общение и обеспечивает несколько большую интимность.

Во-вторых, семейно-родственные группы отличаются устойчивой внутренней сплоченностью, что очень часто усиливается неформальным статусом лидера, который наделен весьма своеобразными правами и обязанностями. Но важно то, что нередко в этих группах такую роль отводят именно интеллигентам, ибо при этом группа учитывает их максимальные возможности влиять на различные ситуации, деловые качества и т. д. Авторитет такого лидера подкрепляется еще и тем, что в группе периодически возникают специфические задачи (ашар, той, поминки, семейные праздники), решение которых превосходит возможности одной семьи и поэтому требуют организованных действий всего семейно-родственного комплекса, где лидер играет руководящую роль. Все это обеспечивает высокую степень коммуникации, что обуславливает интенсивность процесса унификации, но противоречия его высшего и низшего уровней скажутся здесь наиболее остро.

В этой связи диссертант анализирует разнообразные фактические материалы, раскрывающие диалектическое соотношение высшей и низшей уровней унификации в плане характеристики норм социалистического общежития и некоторых отживших локальных норм. Вышеуказанные коммуникативные взаимодействия не могут рассматриваться и вне таких социально-психологических процессов, как идентификация, конформизм, подражание и т. д. В этой связи диссертант прослеживает процесс подражания во взаимодействиях сельской интеллигенции и колхозников и раскрывает контактный характер процес-

са унификации. В диссертации процесс унификации прослеживается не только в статике, но и в динамике. Когда мы наблюдаем за отдельными массовидными проявлениями поведения людей, которые, на первый взгляд, кажутся унифицированными, идентичными, то обнаруживаем, что между высшим и низшим уровнями унификации протекает постоянное, непрерывное расхождение. Это значит, что рассматриваемый процесс унификации в динамике вскрывает его дивергентный характер. В частности, рассматривается конформизм отдельных сельских интеллигентов по отношению к религиозным праздникам и обрядам и некоторым отжившим тенденциям традиционного киргизского сельского уклада жизни. При этом диссертант, делая малую посылку, допускает, что конформизм способствует унификации только низшего уровня. Но указанный конформизм отнюдь не внутренний, а внешний конформизм, содержащий в себе внутреннее диалектическое противоречие, что было доказано в первой главе. Это значит, что отдельные сельские интеллигенты внешне подчиняются некоторым локальным нормам данной социальной среды, но в то же время уже сознают неправильность своих поступков и даже высказываются против этих консервативных норм сельского быта. Диссертант доказывает, что конформизм вызывает не только унификацию низшего, но и высшего уровня, выражающийся сознательным, осознанным согласием интеллигенции, которое направлено на преодоление этих же отживших тенденций, что поддерживается коммунистической идеологией и моралью, всеми средствами партийной пропаганды. Таким образом, даже в таком случае, когда мы допускаем, что конформизм, вызывает унификацию только низшего уровня, оказывается, то в динамике она отнюдь не такова, а представляет собой дифференцию, высшим уровнем которой является согласие такого рода, которое можно обозначить термином консенция (от лат. слова consensus, совершенное согласие в чувствованиях, склонностях, мнениях¹).

Консенция коренным образом отличается от того «согласия» которое вводят буржуазные социологи, в частности, Т. Шибутани. Он отмечает, что такое согласие достигается путем взаимных уступок и члены группы знают, какие экспектации предъявляются исполнителю каждой роли и приспособливают свои

¹ И. Ивашковский. Полный русско-латинский словарь, ч. 4, Спб, 1853, стр. 197.

собственные действия к ожидаемым действиям других участников¹. Более того, он признается, что «согласие не означает гармонии интересов»². Это настолько выразительно, что едва ли нуждается в каком-либо комментарии, ибо, если все это перенести из области абстрактной теории в накаленную атмосферу классовой борьбы, то эта теория сразу же обнаруживает свою подлинную классовую подоплеку.

Дело в том, что он вынужден признать отсутствие гармонии интересов в капиталистическом обществе (раздробленном на антагонистические классы, чего упорно «не замечает» этот социолог) и тем не менее трактует о возможности и необходимости «Согласия». Вся ложность подобного объективистского подхода вскрывается, когда ставится вопрос, какому классу на руку это «Согласие». Эфемерность пропагандируемого Т. Шибутани «согласия» подтверждается всей практикой классовой борьбы трудящихся в капиталистических странах. Диссертант отмечает, что консенция не есть нечто отличный, раз и навсегда данный феномен группового сознания, а лишь абстрактно-логическое следствие вытекающее из самого внутреннего диалектического противоречия конформизма.

В диссертации консенция и конформизм рассматриваются как взаимоположенные явления и в этой связи прослеживается их соотношение в различных сферах духовной жизни сельской интеллигенции.

В заключении обобщены положения диссертации, на основании которых делаются основные теоретические и практические выводы.

Основное содержание диссертации изложено в следующих публикациях:

1. О социальной психологии сельской интеллигенции «Кыргызстан маданияты», 1970, 17-июнь, № 25, 0,5 п. л.
2. Сельская интеллигенция в борьбе за преодоление пережитков прошлого. «Блокнот пропагандиста и агитатора». Отдел пропаганды и агитации ЦК КП Киргизии, 1970, № 16, 0,4 п. л.
3. Некоторые вопросы духовного мира сельской интеллигенции. «Коммунист» (Фрунзе), Орган ЦК КП Киргизии, 0,5 п. л. (в печати).
4. Опыт анализа психологии сельского учительства. «Мектеп», 1970 г., 3,8 п. л. (в печати).

¹ Т. Шибутани. Социальная психология. М., 1969, стр. 38.

² Там же, стр. 141.